

Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский областной институт ПКРО

*Традиционные христианские ценности
и современный мир*

Материалы XXIII Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

Томск
2014

«МНЕ НАДОЕЛО СЛУШАТЬ НЕЛЕПЫЕ ТОЛКИ О РОССИИ...»: В.А. ЖУКОВСКИЙ И ГРАФ А.Ф. ФОН ШАК¹

Н.Е. Никонова

Очерк В.А. Жуковского «О событиях 1848 года» содержит сокровенные мысли поэта о духовной миссии России, о самодержавии и судьбе народа, об истории и религии; исчерпывающие обоснование идеологической доктрины Российской империи, сформулированной, по сути, графом С.С. Уваровым в его докладе 1833 г. «Самодержавие, православие, народность» – палладиум русского народа – определяет точку зрения В.А. Жуковского, и размышления на эту тему в различных вариациях повторяются в ряде публикаций 1840–1850-х годов, подготовленных романтиком, непосредственно вовлеченным в предреволюционные события, охватившие Германию. В сочинении «О событиях 1848 года» данная триада напрямую противопоставляется «грому давно известных, бедственных криков: свобода, равенство братство»². Манифестарное оформление историософская концепция Жуковского, радевшего за объединение Германии под эгидой Пруссии и поддерживавшего своего немецкого друга генерала И.М. фон Радовица, на плечи которого легла нелегкая задача по организации объединенного правительства, получит спустя два года после написания статьи «О событиях 1848 года» в сочинении «Иосиф фон Радовиц».

В сочинении «О событиях 1848 года», как и в статьях «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», «Что будет?», «Русская и английская политика», Жуковский выступает в свойственной ему роли защитника добродетели, сторонника складывавшихся веками исторических традиций, где самодержавие, религия и духовность являются незыблемыми ценностями («судьба России заключается в развитии самодержавия» (108)). Интересующая нас статья адресована некоему «графу Шку», и из текста очевидно, что написана заметка в ответ на высказанные адресатом Жуковского опасения относительно российской политики, на предположения неких «завоевательных замыслов» или желания занять главенствующее положение, воспользовавшись раздробленностью немецкого мира в свете нарастающих в Европе революционных настроений. Об этом свидетельствует,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (№ 13-34-01228 и № 12-34-01225).

² ПСС. Т. 10. С. 107. Далее текст статьи цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

в частности, цепочка эмфатически заряженных риторических вопросов в начальной части: «Россия не начинает сама войны с Германией – на что ей война?» (106); «При таких обстоятельствах на что России война с Германией, когда Германия за нее сама с собою воюет и когда на ее запад есть братский народ, который охотно вступится в дела ее и принесет ей войну, если она уже так убеждена, что война необходима?» (106); «Германию пугает сосредоточение русских войск на ее границе; но не сама ли она подала к тому повод?» (107). Прежде чем перейти к экскурсу в историю российского самодержавия и духовности, русский романтик многократно постулирует: «...слухи о завоевательных замыслах Русского Государя и о близкой войне, которою он будто угрожает Германии, слухи распространяются злонамеренными» (106); «...завоевательные замыслы России... Это давнишнее привидение, которое страшно только в темноте предрассудка и исчезает при свете здравого смысла» (107); «Россия никогда не была завоевательным государством (из одного честолюбия и жадного хищничества)» (107). Эта мысль и является основным коммуникативным поводом публицистической заметки.

Интересен тот факт, что многие прозаические тексты 1840–1850-х годов Жуковский относит к эпистолярному жанру, часто называя в подзаголовках адресатов посланий: «Письмо к кн. Варшавскому», «Письмо одного не немца на родину», «Письмо в редакцию газеты», «Письмо графу Ш-ку» и др. Таким образом весь корпус текстов превращается в цикл важнейших эго-документов переломной эпохи середины XIX в., в ценное свидетельство непростого периода российско-западноевропейских историко-политических и дипломатических связей, и указание конкретного адресата предполагает диалогическую природу текстов, выступающих, естественно, порождением диалога действительного, личностного. Детальное изучение взглядов позднего Жуковского на историю и революцию, выразившихся в корпусе поздних прозаических текстов, известно нам из трудов И.А. Айзиковой³. Однако принципиальный вопрос об адресате привлекшей наше внимание статьи Жуковского, некоем «графе Ш-ке», остается до настоящего времени открытым.

Целью работы является реконструкция аутентичного культурно-исторического и биографического контекста, в котором была создана статья В.А. Жуковского «О событиях 1848 года», а именно исследование возможных личных, творческих и политических контак-

³ Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004.

тов с немецким графом А.Ф. фон Шаком, имя которого указано в титульной части сочинения в качестве адресата.

Личность корреспондента в данном случае не очевидна, сомнения в этом отношении возникали даже у современников и таких знатоков наследия и окружения Жуковского, как К. фон Зейдлиц и П.И. Бартенев. Среди возможных адресатов возникали Шувалов и Штакельберг, имена которых созвучны упомянутому Жуковским «Ш-ку».

В бумагах поэта находится единственное свидетельство поэта относительно сочинения «О событиях 1848 года» в переписке с русским посланником в Веймаре и давним другом поэта бароном А. фон Мальтицем. Из послания к нему от 9 (21) августа явствует, что Жуковский к этому времени написал статью по-русски, затем напечатал ее в виде брошюры, предназначавшейся «только для русских», и успел ее разослать (экземпляр этого манускрипта сохранился в архиве Пушкинского Дома⁴). Замыслы относительно распространения немецкого варианта находим в этом же письме: *«Тороплюсь отвечать Вам и просить Вас не затрудняться переводом моего письма к графу Ш.: оно уже переведено и будет напечатано, если его примут в "Neue Preussische Zeitung", которая выходит в Берлине. Перевод был сделан на моих глазах, и я сам сделал несколько поправок: многое выпустил и сделал некоторые прибавления. В этом виде письмо будет более подходящим для немецкой газеты»*⁵. В «Новой прусской газете», как и опасался Жуковский, письмо не опубликовали, однако немецкая рукопись, о которой он говорит, сохранилась и свидетельствует о том, что авторизованный перевод был выполнен супругой поэта Е. Жуковской (фон Рейтерн)⁶.

Постскриптум послания к Мальтицу говорит о том, что русский романтик не желал открывать своего инкогнито в отношении статьи о событиях 1848 г., то есть не рассчитывал на широкий общественный резонанс: *«Что касается до письма к графу Ш., я прошу Вас не называть меня его автором. Я не имею ни малейшего желания входить в какие бы то ни было личные прения с героями пера»*⁷. Итак, адресатами сочинения Жуковского традиционно выступают «немногие» близкие друзья, а упоминание имени графа является в определенной мере частью сюжета и должно подчеркнуть ее полемический характер. И все же эти обстоятельства не только не снимают вопроса о том, кем

⁴ ПД. Р. I. Оп. 9. № 6 – брошюра с правкой и пометами неизвестного лица.

⁵ Шляпкин И.А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 20.

⁶ РГБ. Жук. I.3 – рукою Е.А. Жуковской на нем. яз.

⁷ Шляпкин. Цит. соч. С. 20.

был реальный «граф Ш-к» и почему он был выбран русским поэтом в качестве адресата такого послания.

Адольф Фридрих граф фон Шак (*Adolf Friedrich Graf von Schack, 1815–1894*) был на 32 года младше В.А. Жуковского. В 1848 г., когда последний поставил его имя перед текстом своих размышлений о судьбе Европы и России, он был в самом начале своего пути к будущим достижениям. И если Жуковский оказался современником первой половины XIX века, то его немецкий корреспондент жил и творил главным образом во второй его половине. Его содержательные и написанные очень простым, искренним языком мемуары так и называются – «Полстолетия»⁸.

В истории немецкой культуры граф оставил свой заметный след, прежде всего, как коллекционер живописи, меценат. Художественное собрание «Галереи Шака» в Мюнхене сохранилось в полном объеме и представляет одну из самых известных и полных на сей день коллекций картин немецкого романтизма. Можно предположить, что начало меценатской деятельности графа было известно Жуковскому, увлеченному рисовальщику, знатоку и ценителю немецкого изобразительного искусства. Отдельную сферу интересов Шака составляла живопись назарейцев, особенно вдохновлявшая в 1840-е годы русского поэта. Граф считал наследие назарейцев «возрождением немецкого изобразительного искусства»⁹, однако в первую очередь ценил не религиозные сюжеты, не «церковные зарисовки», как он их называет, но иллюстрации к немецким сказкам, рисунки Э. фон Штейнле к «Романсам о Розенкранце» Брентано, картину Ю. Шнорра на сюжет «Лесного царя» Гете, схожесть мадонн Корнелиуса с лицами легендарных героинь «Кольца Нибелунгов»¹⁰ и т.п. Меценатская деятельность Шака началась уже после его ухода в отставку в 1851 г., в то время как Жуковскому и его франкфуртскому окружению, скорее всего, в большей степени была известна литературная деятельность немецкого графа.

К 1848 г. Шак побывал на Ближнем Востоке, жил в Лондоне, Париже, познакомился с В. Гюго, А. Дюма, Ф.Р. де Шатобрианом и другими литераторами, определился с «любимыми увлечениями, ко-

⁸ EinhalbesJahrhundert. Erinnerungen und Aufzeichnungen von Adolf Friedrich Graf von Schack. 3 Bände. Stuttgart und Leipzig, 1888.

⁹ Meine Gemäldesammlung. Von Adolf Friedrich Grafen von Schack. Dritte veränderte Auflage. Stuttgart, 1884. S. 78.

¹⁰ Ibid. S. 86-94.

торами стали путешествия и литература»¹¹. Во время пребывания в Испании в 1839–1840 годах он собрал материал для книги об истории драматического искусства и театра в Испании, которая, по его соображениям, должна была открыть новые горизонты театру европейскому, в особенности немецкому. Автор монографии радел за создание немецкой национальной драмы. Одновременно с исследованием Шака вышло и собрание его переводов избранных сочинений испанской литературы, среди которых были произведения Сервантеса, Кальдерона, Мендозы и др. Переложив их в органичные немецкому стихосложению ямбы, Шак представил линию активного восприятия испанской словесности и культуры, альтернативную уже имевшейся традиции буквалистских, по его мнению, переводов испанской драмы, выполненных А.В. Шлегелем, Э.А. Домом, И.Д. Грисом и др. Своим принципам работы с оригинальным текстом Шак-переводчик был верен на протяжении всего творческого пути. Вольные переводы и обработки графа должны были донести до читателя плоды иной культуры и словесности в удобной для восприятия форме, сохранять следовало лишь «дух» исходного текста. Финансовое положение позволяло Шаку издавать свои труды в лучших издательских домах Германии, не заботясь о прибылях, вырученных за отпечатанные книги¹².

Представление о характере и предмете возможных диалогов Шака и Жуковского дают воспоминания немецкого графа о зиме 1847–1848 годов, которую он провел во Франкфурте на Майне, городе, где в это время вел активную творческую деятельность первый русский романтик. Приведем полностью единственный пассаж из воспоминаний Шака об этом времени: *«Зимой 1847–1848 годов, которую я вновь провел во Франкфурте, я полностью погрузился в индийские штудии. Так как я уже давно не занимался санскритом, то мне понадобилось приложить некоторые усилия, чтобы вновь проникнуть в этот язык. Только благодаря упорному труду в скором времени я уже мог без особых усилий читать древний эпос. Подкрепив свои силы таким образом, я обратился к пуранам и был так очарован чудесным, свойственным буддизму мировоззрением, что решил переложить на немецкий несколько прекраснейших легенд. Когда же я по вечерам выходил из своего ориенталистского убежища в светское общество, которое должен был посещать, то с трудом находил себе место в этом чужом мире; тогда мне стало вдруг по-*

¹¹ Ernst J. Adolf Friedrich Graf von Schack – ein Übersetzer und Literaturvermittler aus Leidenschaft// Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts.S. 472.

¹² Ibid. S. 478.

нытым, что имел в виду Гете, когда говорил, что действительность абсурдна. Поэтому я постарался хотя бы в некоторые вечера организовать общение по своему вкусу. Мне удалось собрать круг дам и господ для чтения драматических произведений в лицах; я хотел, чтобы это приятное занятие вообще получило более широкое распространение. <...> Репертуар наших поэтических вечеров предоставлялся моему выбору»¹³.

Итак, зимой 1847–1848 гг. граф фон Шак выступил инициатором литературных чтений, организовав во Франкфурте своего рода литературный салон. Выбор произведений при этом определялся сферой его интересов, сложившейся в результате путешествий по Европе: «Читали Клейста, «Мерлина» и «Алексиса» Иммермана, «Гогенштауфенов» Граббе, «Сокровища Рампсинита» Платена. Таких пьес, как «Гризельдис», «Дочь короля Рене», и тому подобных я не допускал, хотя дамы и грезили о них»¹⁴. Жуковский не мог не знать о литературных встречах у Шака.

Помимо уже подготовленных ко времени эвентуального знакомства с Жуковским персидских сюжетов, Шак во время пребывания во Франкфурте в 1847–1848 годах, по собственному указанию, активно занимается изучением санскрита и наследия индийского поэта Калидасы. Как установлено нами, Жуковский долгое время вынашивал планы по переводу его «Саконталы», поддерживал связи с Г. Шези, интересовался персидскими рукописями ее мужа и также пробовал освоить санскрит, о чем свидетельствуют материалы его библиотеки, архивов и переписки с Шези.

Кроме того, непосредственным поводом для диалога двух литераторов вполне могли стать вопросы перевода в целом и, в частности, перевод восточного эпоса. К 1848 г. из-под пера русского романтика вышла поэма «Рустем и Зораб», которая уже была подписана в печать в России. Граф также перевел этот сюжет Фирдоуси, при этом акценты в его вольном переложении были расставлены абсолютно так же, как у Жуковского. Отталкиваясь от имевшихся переводов И. Герреса и Ф. Рюккерта, которые были тщательно изучены и русским переводчиком, Шак по-своему передал сюжет, озаглавив его «Sohrab», разделил сказание на десять частей, озаглавив каждую из них. Те же самые трансформации мы можем наблюдать и в переводе Жуковского. Переложение немецкого графа занимало всего чуть более девяноста

¹³ Ein halbes Jahrhundert. Erinnerungen und Aufzeichnungen von Adolf Friedrich Graf von Schack. 3 Bände. Stuttgart und Leipzig, 1888. Bd. 1. S. 250.

¹⁴ Ibid. S. 250.

страниц, представляя лишь альтернативу имевшимся точным немецким переводам.

Именно в этой атмосфере, когда от близящегося извержения революционного вулкана можно было укрыться лишь в пространстве индивидуального литературного творчества, выбрав незабываемые и древние легенды Востока, и познакомились романтики А.Ф. Шак и В.А. Жуковский, горячо радевшие каждый за свой народ, каждый – за свои взгляды на политику и историю. И этим взглядам суждено было разойтись. Судя по воспоминаниям Шака, он выступал изначально за объединение Германии, однако условия, предложенные прусским королем Фридрихом Вльгельмом IV, возложившим миссию по их воплощению на графа фон Радовица, вызывали у него серьезные сомнения. Граф опасался также и экспансии со стороны России, с которой дружила Пруссия. Именно эти страхи и призвана была разрушить статья Жуковского.

Графу фон Шаку посвящено всего несколько статей немецких филологов, однако в них, ни в многотомном наследии графа, в его письмах и прозаических зарисовках, ни в его мемуарах, исчерпывающе рассказывающих о времени 1840–1850-х годов, не находится каких-либо сведений о публичных выступлениях или публикациях графа на политические темы. Шак, считавший своей главной миссией литературное творчество, никогда не старался их афишировать. Однако в его повествовании о революционных событиях в Германии везде очевидно проступают нотки непримиримого национального чувства, желания независимости для земель новой объединенной Германии. Этим чаяниям графа, по поводу которых, очевидно, и написана статья Жуковского, суждено было воплотиться в истории и в его биографии.

В ноябре 1848 г. Шак был назначен послом питавшей надежды на объединение Германии в делегации, возглавляемой князем Хлодвигом Гогенлоэ, и отправился в путешествие по Греции, Палестине, Египту и Италии. По возвращении в Германию в 1849 году он был призван в Берлин как представитель родного ему княжества Мекленбургского в парламенте новой республики. Шак, по его словам, принял предложение лишь по одной причине – «поскольку искренне верил в будущее объединенной Германии»¹⁵. Однако ни он, ни его берлинское окружение не разделяли чаяний генерала фон Радовица, о котором ходили анекдоты¹⁶, и граф не преминул включить в свои

¹⁵ Ibid. S. 310.

¹⁶ Ibid. S. 316-7.

мемуары как важное свидетельство времени. Выражая собственное отношение к генералу, с которым до своего путешествия 1849 г., очевидно, тесно общался во Франкфурте, Шак вспоминает: *«Об этом человеке, которого я знал уже несколько лет до нашей встречи в Берлине, я не могу говорить иначе, как только с величайшим почтением; его богатейшие познания были удивительны, и что касается его ораторского дара, то я не встречал никого, кто мог бы с ним сравниться. Этими качествами он заслужил высочайшее доверие Фридриха Вильгельма IV и убедил его в реализовать проект объединенного государства. Однако возможно было сомневаться в том, обладал ли в действительности господин фон Радовиц при всем своем уме и образованности достаточными познаниями в жизни и в людях, теми познаниями, которые прежде всего и были необходимы для реализации этого проекта. Если бы он действительно хорошо знал короля, ему было бы ясно, что ему не хватало нужной твердости воли в достижении поставленной цели. И у него были другие советчики помимо генерала, которые желали от него как раз обратного и к которым король прислушивался точно так же»*¹⁷.

Таким образом, складывавшийся из отдельных фрагментов портрет адресата статьи, написанной Жуковским в 1848 году преимущественно для русских, позволяет говорить о том, что русский поэт видел в молодом графе не яростного противника, но скорее единомышленника, способного понять его слова, хотя и оказавшегося волею судеб на другом политическом берегу. Думается, Жуковскому определенно были известны и последующие успехи Шака, а именно то, что в 1851 г., уволившись со службы по собственному желанию, он первым делом подготовил к изданию свои переводы из Фирдоуси, полагая, что в его произведениях просвечивает «германский характер», способный «эхом отозваться в душах» читателей. Граф выбрал для своего переложения тот же пятистопный ямб, что и для испанских авторов. В составе этого собрания был и сюжет о Рустеме и Зорабе. Стратегия переводчика осталась прежней и близкой художественному методу Жуковского: исключение из текста целых отрывков, их добавление или перестановка должны были служить созданию гармонического целого, интуитивно воспроизводимого романтиком.

Переводы Шака не известны современному немецкому читателю. Предназначение их автор видел не в их образцовом характере (в период его работы над переводами Фирдоуси академическое издание

¹⁷ Ibid. S. 311.

персидского поэта готовилось ориенталистом Юлиусом Мором, и графу об этом было известно). Однако по масштабу подготовительной работы его переложения были, как и у Жуковского-переводчика, едва ли не более масштабными и тщательными в источниковедческом плане. Вольному переводу предшествовал серьезнейший труд по изучению древних и новых аутентичных источников, оставшихся без внимания других ориенталистов. Шак не углубляется в обоснование собственной переводческой стратегии, определяя жанр своих текстов как «обработка» (Bearbeitung).

Наконец, еще одна фигура удивительным образом связала творческие биографии Шака и позднего Жуковского – это легендарная личность португальского поэта XVI в. Луиса де Камозанса. Его историю русский романтик воссоздал в своей драме, опираясь на немецкий оригинал Гальма, но включив в нее мощный автобиографический подтекст. Шак в том же ключе перевел произведение о Камозансе своего друга, португальца Ж.А. Гарретта. В 1870-х годах граф занялся историей литературных связей, выпустив труды об итальянской и испанской рецепции арабского искусства и словесности, по истории норманнов на Сицилии.